

Н. М. КНИПОВИЧ, ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(к 100-летию со дня рождения) *

С необыкновенно тяжелым чувством вот уже на протяжении многих лет мне часто вспоминается ночь с 22 на 23 февраля (1939 г.), когда совершенно неожиданно ушел от нас Николай Михайлович Книпович — общепризнанный «патриарх и учитель русского океанографа, ихталога и научно-промышленных исследователей, ученый мирового масштаба, краса и гордость нашей науки»¹. В эту ночь ушел от нас человек, особенно дорогой для тех, кто на протяжении многих лет близо соприкасался с ним, работал бок о бок, плечом к плечу на палубе исследовательских кораблей и в лабораториях, в кабинетах и аудиториях, на конференциях и заседаниях. В эту ночь ушел почетный академик и почетный рыбак, жизнь которого являет собой яркую, благородную и прекрасный пример беззаветного и бескорыстного служения науке и нашей Родине.

В эту ночь мне, одному из многочисленных учеников, последователей и почитателей Н. М. Книповича, довелось быть у него с очередным научным визитом. Все, как всегда в таких случаях, было обыденным: он живо интересовался последними событиями в Арктике, к изучению которой на протяжении многих лет своей жизни проявлял особый интерес; как всегда, в этот вечер он был весьма сосредоточен; плывя в спокойной и даже с характерными для него шутками и остроумием звучала его речь.

Помню, он готовился к предстоящему в Москве научному совещанию и делался своими соображениями. Незадолго до этого вышел в свет его классический труд «Гидрология морей и солоноватых вод». Одна из глав этого труда, искреннейшим многочисленными комметками, лежал перед ним на столе. Видно было, что Н. М. Книпович проваливал трудиться над ним столь же кропотливо, усердно и усидливо, как он трудился над этим исследованием на протяжении многих лет. И вот теперь, когда этот труд увидел свет и стал настольной книгой ученого и практика-морского, автор подвергал его строгой критике, о чем и свидетельствовали его многочисленные пометки. Он говорил о недостатках в организации морских исследований, делался указаниями

* Доклад на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Н. М. Книповича, состоявшемся в Москве 13 апреля 1939 г.

¹ П. С. Берг. Почетный академик Н. М. Книпович. Вестник Академии наук СССР, № 8, 1950.

глубокого развития изучения морей, часто при этом подчеркивая необходимые теоретические основы их, а именно: комплексность и единство науки и практики. Он удивительно описывал неограниченные возможности науки и огромную роль человека и преобразованием в интересах развития народного хозяйства нашей страны степей морей, озер и рек; при этом он особенно подчеркивал необходимость строжайшей охраны природы морей и сохранения их богатств. Его рука тянулась к заветному шкафу письменного стола, в котором с особой любовью, с благоговением, с исключительной заботливостью хранилась заветная папка с дорожками для него писем В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Как много могла повредить эта редкостная папка о личной оппозиции между Н. М. Кинзиным и В. И. Лениным, об их деловых связях, имевших самое близкое отношение к широкому и глубокому изучению и освоению наших морей.

В ту ночь передо мной сидел 77-летний ученый с несомненным интеллигентным выном и, казалось, что не сегодня-завтра мы снова увидим его на палубе научного корабля, спокойным и сосредоточенным, умом и сердцем, проникающим все дальше и глубже в самые сокровенные тайники моря.

И все же, что мне довелось слышать от Николая Михайловича в тот последний и памятный вечер, глубоко запало в душу, навсегда врезалось в память. В ту же ночь Н. М. Кинзинич скончался, оставшись на посту ученого до последних минут.

Прошло более 20 лет со дня смерти Н. М. Кинзинова. Всегда, в особенности сейчас, когда мы отмечаем 100-летие со дня его рождения, хочется как можно скорее и ярче восстановить его образ, окунуть в памяти его замечательную, богатую событиями жизнь и его увлекательный и удивительный творческий путь. О себе, во своей исключительной скромности, Н. М. Кинзинич написал очень мало, так же как очень мало он говорил о себе и своих достижениях. И как жаль, что человеческая память не может достаточно полно восстанавливать события и факты, отрезанные от нас уже долгими рядом лет.

Прежде всего хочется отметить, что Николай Михайлович являет собой яркий образ ученого нашей эпохи. Выступая на Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (8 марта 1962 г.), академик К. И. Скрябин говорил: «Основными критериями оценки человека, претендующего пойти по тернистой, но красивой дороге, должны явиться прежде всего ум, затем базируемая, продуманная любовь и избранной специальности, заслуженная честность, наконец, молодость. Нельзя если к этому присоединится еще невинная скромность и оптимистическая настроенность».

Таким образом и вошел в науку Н. М. Кинзинич, таким он оставался до последних дней своей жизни. «Н. М. Кинзинич — не только научная сила 1-го ранга, но и безусловно честный человек»². Так характеризовал его В. И. Ленин в августе 1921 г.

Я думаю, что море, как arena творческой деятельности, было избрано Н. М. Кинзиничем не случайно. Море, жизнь и быт рыбака в морях со всеми их невзгодами и радостями пришли к нему довольно рано, полностью и на всю жизнь овладели им.

Детские годы Н. М. Кинзинич провел на берегу Финского залива. Он родился в апреле 1882 г. в семье военного врача, жившего в крепости Свеаборг. В этой довольно многочисленной и исключительно дружной семье было еще два брата и две сестры, из которых старшая в семье — Лидия Михайловна Кинзинич — известная революционерка-большевичка, соратница В. И. Ленина, безусловно сыграла важную роль в формировании политических взглядов брата. С Лидией Михайловной он был очень дружен; для него это был огромный и сильный авторитет; через нее он вошел в круг политический жизни.

В каких условиях жил и воспитывался Николай Михайлович, а также его братья и сестры, можно проследить по воспоминаниям Н. К. Крупской, с которой семья Кинзиничей была в очень близких отношениях. «...Никто не ломал ее воли, — пишет Н. К. Крупская о Л. М. Кинзиниче, — никто не навязывал ей никаких старорусинских взглядов: она росла зольным человеком, шла своим путем... Она была очень самостоятельна и глубокомысленным человеком, продумавшим очень последовательно свое мировоззрение. Она росла у моря, под его влиянием, проводила вместе с братьями значительную часть времени в гребле, езде на парусных лодках и пр. Кто вынул из нее? Больше всего, по ее рассказам, западали в душу ей беседы с рыбаками и рабочими...»³.

Так же свободно, имея полную возможность пропустить свои склонности и индивидуальные способности, жил и воспитывался Николай Михайлович. Иногда он вспоминал с глубоким чувством об этих годах своего детства и юности, проведенных на лоне природы, в увлекательной рыбной ловле, в плаваньи на лодках и под парусами. По нему видно было, что именно тогда пришла к нему любовь к исследованию моря.

В 1889 г. Н. М. оканчивает с золотой медалью Гельсингфорскую гимназию и готовится к поступлению в Петербургский университет.

Довольно рано приобщается Н. М. к политическим делам. Среди военных Свеаборга, где постоянно жила семья Кинзиничей, и в Гельсингфорсе, куда она ежегодно выезжала на дачу, работала народолюбивская группа, во главе которой стояла Си-

² Ленинский сборник, XXII, стр. 167, 1933.

³ Н. Крупская, Лидия Михайловна Кинзинич, стр. 3. Изд. «Старый большевик», М., 1932.

корский и Рогачев. Кишинева была тесно связана с этой группой, и в 1881 г., когда группа Спасского — Рогачева была раскогнана, она подверглась обыску и допросу. Это событие привлекло на Николая Михайловича замечательное впечатление и вскоре привело его к активному участию в политической жизни.

После убийства Александра II (1 марта 1881 г.) страна переходит к открытой реакции и политической террору. В общественной, политической и культурной жизни страны наступила тяжелая времена.

При таких условиях вступил в самостоятельную и сознательную жизнь молодой Кишинева: в 1881 г. он становится студентом Физико-математического факультета Петербургского университета.

Немного и то время было людей, которые не поддавались пагубному влиянию этого тяжелого «безвременья» и могли героически пронести через эти стены огромных крылато-то света и в конечном, что носило человечество, и сделать его новым достоянием. К числу этих людей, людей высокой нравственности вместе с твердыми принципами революционной морали, безусловно, относился и Н. М. Кишинева.

В общественной и политической жизни страны, в науке, литературе и искусстве появляются могучие ростки нового, передового и прогрессивного. В Россию все больше и больше проникает идея марксизма, создаются основы социал-демократического мировоззрения, передовая русская интеллигенция, наряду с растущим рабочим движением, начинает активнее бороться за лучшие идеалы человечества.

Наука и культура в России начала восьмидесятых годов, т. е. того времени, когда Н. М. Кишинева вступил на порог сознательной жизни, ознаменовались появлением выдающихся трудов таких королей естествознания, как Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев, И. М. Сеченов, И. П. Павлов, А. И. Воейков и др. Много нил же мог пройти молодой, любознательный и пылкий Николай Михайлович, твердо решивший посвятить себя служению науке. Эти бесценные труды, которыми он занимался в молодости, оказали огромное влияние на формирование его научного мышления и мировоззрения. Они во многом помогли ему «пробораться» свои взгляды на природу и человеческое общество. Кишинева бесспорно был материалистом и в своих многочисленных исследованиях неустанно осуществлял принцип комплексности, свободности научения природных явлений и их взаимосвязи и взаимозависимости, неразрывной связи науки и практики, исторического подхода к анализу явлений. «Главным содержанием моей полувековой работы, — писал Н. М. Кишинева в Президиум Академии наук СССР в связи с избранием его директором Северного филиала, — было изучение природы морей и солоноватых вод СССР... в главнее мои работы (по морям Баренцева, Каспийскому, Азовскому и Черному) носят комплексный океанографический характер и широким смысле этого слова, являясь сочетанием гидрологии (в широком смысле этого слова, т. е. гидрофизика и гидрохимия) с биологией. С самого начала моей научной деятельности, наряду с чисто научными исследованиями, важное место стали занимать исследования прикладного научно-промышленного характера... а ряд моих работ по геологии четвертичного периода были в сущности изучением ближайшего геологического прошлого морей Белого и Баренцева являю того, что геологическое прошлое во многих случаях — ничем не заменимый ключ к пониманию современных условий».

Поступив в Петербургский университет, Н. М. Кишинева оказался в условиях, которые оказали чрезвычайно благоприятное влияние на развитие его интеллектуальных способностей. Петербургский университет был в то время одним из крупнейших центров революционной и научной мысли; физико-математический факультет его блистал крупнейшими и к тому же прогрессивными именами. Деканом факультета был выдающийся математик Н. А. Меншуткин; курсы физиологии человека читал крупнейший русский физиолог И. М. Сеченов; курсы ботаники — знаменитый А. Н. Бекетов; зоологию беспозвоночных — выдающийся зоолог Н. П. Вагнер; зоологию позвоночных — известный орнитолог М. Н. Богданов; геологию и минералогия — основоположник русского почвоведения В. В. Докучаев; физическую географию — знаменитый географ и климатолог А. И. Воейков и т. д. Об этих первых и замечательных учителях, прививших глубокую любовь к науке, Николай Михайлович вспоминал всегда с большой гордостью, сердечностью и благодарностью.

Едва вступив в этот замечательный храм науки, Николай Михайлович начинает серьезно и глубоко заниматься научными исследованиями. Будучи студентом первого курса, он начинает активно работать в студенческом кружке Г. Е. Грозд-Гроздмайло; в 1881 г. Николай Михайлович выступает в Обществе естествоиспытателей с докладом о результатах произведенных им исследований строения и развития коллоидов *Solidus rubrus*. Молодой зоолог, еще студент, выделяется своими способностями среди своих сверстников, обращает на себя внимание известного исследователя фауны Каспийского моря О. А. Гринца, и в 1885 г. Н. М. Кишинева приглашают в экспедицию по изучению каспийских солоней и солончатого промысла. С этого момента ясно определяется творческий путь в судьба Николая Михайловича: отныне жизнь его полностью посвящается морским исследованиям.

В 1885 г. Н. М. Кишинева окончивает университет, и его оставляют при кафедре зоологии для подготовки к профессорскому званию. Перед ним заманчивые и широкие перспективы научной и педагогической работы. Но, к сожалению, разгул реакции не дает молодому ученому развить свои творческие способности и по-настоящему заняться научной работой.

В 1886 г. молодой, революционно настроенный, ученый вступает в первую организованную в России социал-демократическую группу Д. Н. Палласа и принимает в ней деятельное участие. В марте 1887 г., перед самым отъездом на север на Соловецкую биологическую станцию с целью изучения фауны Белого моря, Н. М. Книпович вместе с другими членами этой группы подвергается аресту. Хотя на этот раз он скоро был освобожден, но тем не менее это событие не прошло для него бесследно и приостановить свои занятия в университете ему не удалось. Просьба ученого совета «продлить пребывание кандидата Н. М. Книповича в Университете еще на один год», не успевшая чаше успеть. На запрос попечителя С.-Петербургского учебного округа генерал-лейтенанта Новикова: «...может ли это постановление быть приведено в исполнение», министр Народного просвещения М. Д. Деллака ответил: «Не может»⁴.

Н. М. Книпович уезжает на Соловецкую биологическую станцию. Тем временем, в виду новых обстоятельств, «вызове уставленным», как указывалось в доведении, что «Н. Книпович принимал участие в сходках преступного характера социал-демократов», министр просвещения велел «исключить его из числа кандидатов и подготавливаемых при Университете к профессорскому званию, и запретить ему какую бы то ни было педагогическую деятельность»⁵. По возвращении в Петербург Н. М. Книпович подвергается аресту и на год заключается в тюрьму «Кресты».

По окончании срока тюремного заключения его высылают из год из Петербурга, и он живет в Финляндии. Затем последовал пятнадцатилетний вынужденный без права поступления на государственную и общественную службу. Все это вынуждает молодого ученого из колеи нормальной научной работы, ставит его в очень тяжелое материальное положение: обремененный семьей, он вынужден добывать средства существования случайными заработками. Но, несмотря на такое тяжелое положение, Н. М. Книпович не прекращает научных исследований и готовится к защите магистерской диссертации, которую успешно защищает в 1892 г.

В 1898 г. он избирается приват-доцентом Петербургского университета, а в следующем году поступает на службу в Зоологический музей Академии наук, где работает в должности ученого-заведующего, затем — младшего и старшего зоолога и, наконец, научного сотрудника. В Зоологическом музее Н. М. Книпович работал до 1921 г., но интересовался деятельностью его до последних лет своей жизни.

В то же время Н. М. Книпович не прерывал связи с социал-демократическими организациями. Его квартира в Петербурге, дача на Валдайе часто служили местом встреч, передачи и хранения подпольной социал-демократической литературы, и в 1896 г., за несколько дней до отъезда в экспедицию на Новую Землю, которая была организована Академией наук по предложению Николая Михайловича, он снова подвергается аресту.

Неизменный секретарь Академии наук Н. Ф. Дубровин в отчете президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу доводит: «С прискорбием должен доложить..., что... арестован у нас оладский зоолог Книпович... Я сожалею обладая много лет и узнав, что он замечан весьма серьезно и опущен быть не может»⁶.

Поездка в Новоземельскую экспедицию представляла для Н. М. Книповича исключительный интерес, и столь неожиданный «путешествие» в тюрьму вызвало с его стороны гнев и возмущение, и он требует (а не просит) скорейшего разрешения дела и освобождения, которое ему необходимо для выполнения важной экспедиционной работы. На тюрьмы на имя президента Академии наук он посылает следующую телеграмму: «Коммунизированный на Новую Землю, я был по неизвестным мне причинам арестован по распространению изречия. Чтобы успеть присоединиться к экспедиции, я должен быть освобожден во владее конца этой недели или воскресенья...»⁷ В этой телеграмме оказался весь характер Н. М. Книповича — твердый и непримиримый. На телеграмме президент Академии наук написал: «Сомневаюсь в правдивости письма и ходатайствовать затрудняюсь»⁸. В августе Н. М. Книпович освобождается из предварительного заключения с уведомлением, что он признан совершенно невиновным и был арестован «по стечению неблагоприятных для него обстоятельств».

Не прерывал Н. М. Книпович своих связей с социал-демократическими организациями и в дальнейшем весьма помогал социал-демократическому движению. На его квартире неоднократно происходили собрания, на которых иногда присутствовал В. И. Ленин. Здесь скрывались от полиции социал-демократы.

Не раз на квартире Н. М. Книповича в Петербурге и на даче в Финляндии жил и отдыхал В. И. Ленин. «Когда начала свирепствовать реакция, — пишет Н. К. Крупская, — Ладва (Н. М. Книпович — А. Л.) скрывался у Книповичей на даче в Финляндии и Стрелковом, на манке, партийных работников. После Лондонского съезда Ильич

⁴ Т. И. Свинца, К биографии Н. М. Книповича, Труды Института истории естествознания и техники, т. 4, стр. 72—73, М., 1955.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Т. И. Свинца, К биографии Н. М. Книповича, Труды Института истории естествознания и техники, т. 4, стр. 74, М., 1955.

⁷ Там же, стр. 75.

⁸ Там же, стр. 77.

приехал летом 1907 г. совсем больной, и вот Лидия предложила ему поселиться у них. Мы прожили там больше месяца — Ильич, я и моя мать. Лидия окружила Ильича такой заботой, что он наконец-то там отдохнул, набрался сил⁹. В другом месте Н. К. Крупская пишет: «Когда приехали в Старорусье, Ильич уже отошел от болезни. В Старорусье мы чудесно провели время — лес, море, даже дышло... Иногда у Лидии собирались послушать музыку. Ксения Иванова — родственница Киншовичей (жена Н. М. Киншова — А. Л.) обладала чудесным голосом, она была певица, и Ильич слушал с наслаждением ее пение»¹⁰.

Эти и многие другие подобные эпизоды хорошо иллюстрируют обстановку в семье Киншовичей в отношении их к социал-демократическому движению. В конце, запечатленной лентой Николаем Михайловичем в январе 1938 г., довольно скромно написано: «Работником коммунистической партии, в частности В. И. Ленину, оказывал возможное содействие во время их подпольной деятельности»¹¹.

Характерным для Н. М. Киншова за протяжении всей его жизни являлось то, что ни при каких обстоятельствах, даже в тюрьме, он не прекращал научной работы. В этом отношении он был человеком несгибаемой воли и необыкновенной работоспособности. Наперекор отзывам, что даже тогда, когда Жандармы однажды пришли с обыском, он сел за стол и продолжал писать научную статью. Где бы он ни находился — на экспедиционном корабле или в лаборатории, у себя в кабинете или на каком-либо собрании или заседании, он очень коротко каждой минутой. «Время — люблю говорить он, — неминуемо дороже денег. Поэтому неудивительно то огромное литературное наследие (около 200 выданных научных исследований по вопросам зоологии, общей биологии, гидрологии, геологии и научно-промышленному делу), которые он оставил после себя.

Н. М. Киншович является бесспорно крупнейшим специалистом своей страны. Его имя неразрывно связано с Белым, Баренцевым, Балтийским, Черным, Азовским, Каспийским и другими морями, в особенности, если посмотреть на его научную деятельность не только с точки зрения экспедиционной работы, а тех обобщений, которые были сделаны им в его крупнейших монографиях и специальных статьях.

С 1887 по 1895 г. Н. М. Киншович проводит исследования фауны, биологии и гидрологии Белого и Баренцева морей и Мурманского побережья; в 1894 г. он начинает первую работу прикладного характера — обследует состояние морских рыбных промыслов, получает весьма важные результаты и предлагает ряд ценных мероприятий, которые должны были способствовать улучшению и развитию этих промыслов. Его труд «О рыбных и звериных промыслах» представляет исключительный интерес. Прежде всего он характеризует Киншовича как ученого с очень широким кругозором, способного решать вопросы государственной точки зрения. По содержанию этот труд далеко выходит за пределы его названия, а автор — за рамки специалиста-зоолога. Здесь Н. М. Киншович затрагивает сложные и важные вопросы зоологии Крайнего Севера, говорит о необходимости проведения на Мурмане железной дороги, об установлении срочного военного пароходства, об организации промысловых артелей, введении телеграфа, учреждении рыбопромысловых школ, распространении среди поморов образования, поднятии общего культурного уровня населения и, наконец, о необходимости дальнейших научных исследований. Современное состояние этого края показывает, насколько Н. М. Киншович в этом отношении был прав. «Мне кажется, — писал он в этом труде, — что на широте на поставленных вопросов могла бы ответить экспедиция, располагающая для своих исследований: 1) судном, достаточных размеров, чтобы на нем можно было выходить далеко в океан, не только летом, но и зимой; 2) достаточным количеством инструментов для метеорологических и гидрологических исследований и для промера... Такая экспедиция должна была бы работать на Мурмане круглый год... результаты такой экспедиции дали бы, наконец, прочные основания для выработки целесообразных мер, направленных к развитию промышленного дела, а прежде всего отвлечь бы на побережье, что, как, когда, в каком количестве и при каких условиях можно промышленно в пределах Мурманского берега и скаймлившей его континентальной отмели»¹². 65 лет прошло с тех пор, как Н. М. Киншович написал эти замечательные слова, и нельзя сказать, что ныне они потеряли свое значение в смысле.

Вскоре Н. М. Киншовичу поручается организация специальной экспедиции для изучения Баренцева моря. Со свойственной ему целеустремленностью и энергией он горячо берется за это интересное и важное дело. При его участии разрабатывается проект специального научно-исследовательского судна, каким в то время не обладали ни одна страна. Постройка этого судна имела международное значение. «Мы имеем право заявить, — говорил Николай Михайлович, — что пароход нашей экспедиции «Ам-

⁹ Н. Крупская. Лидия Михайловна Киншович, стр. 20. Изд. «Старый большевик», М., 1932.

¹⁰ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 127. Изд. Политической литературы, М., 1957.

¹¹ Т. И. Синица. К биографии Н. М. Киншова, т. 4, стр. 77, Труды Института истории естествознания и техники, М., 1955.

¹² Н. М. Киншович. О рыбных и звериных промыслах Архангельской губернии, стр. 171. СПб., 1897.

дрей Перламутровый» вооружен лучше, чем какое-либо другое судно, работавшее по плану Тошак спустя несколько лет такие научно-исследовательские суда были созданы в других государствах (Норвегия, Дания, Германия).

Готовясь к этой экспедиции, Н. М. Кинзиович тщательно изучает опыт организации морских исследований. Он посещает Швецию, Данию, Норвегию, Англию, Германию, внимательно присматривается ко всему, что может принести пользу в этом замечательном предприятии, знакомится с рядом выдающихся зарубежных ученых, которые занимались изучением морей (Ф. Хансен, И. Порт, О. Петтерссон и др.). В течение многих лет он с ними поддерживает тесные научные связи.

Экспедиция под руководством Н. М. Кинзиовича работала в Баренцевом море 4 года (1898—1901 гг.). Научное и практическое значение ее трудно переоценить. Она означает собой новый крупный этап в истории океанографии, а изучение и освоения Баренцева моря и даже больше — в изучении Арктики. Результаты этой экспедиции в области океанографии, гидробиологии, зоологии и этнологии, геологии, гидрологии и микробиологии, изложенные в двух выпусках «Трудов экспедиции», в отчетах, ряде статей в монографии, представляют исключительный интерес. Это — фундамент, на котором основываются современные знания об этом море. В обширной монографии «Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана», вышедшей в свет в 1906 г., Н. М. Кинзиович впервые дал детальную и достаточно обоснованную картину динамики вод Баренцева моря, подробно описал ветви Нордкапского течения и связь распространения основных промысловых рыб с этими потоками теплой атлантической воды. Он дал первые солидные сведения о промысловых богатствах этого моря, обосновал научно и подтвердил опытом возможность развития тралового промысла в открытом море. И если результаты этих исследований, вследствие косячности, не были использованы в то время, то огромные успехи тралового лова в Баренцевом море и в других районах в настоящее время в большой степени связаны с его исследованиями. О Н. М. Кинзиовиче говорил: Хансен открыл теплое Атлантическое течение в Арктическом бассейне, Кинзиович — в Баренцевом море.

К сожалению, успешно начатые Н. М. Кинзиовичем исследования на Баренцевом море были прерваны; он был вынужден покинуть полюбившийся ему Север, изучению которого уже отдал 15 лет, и оставить свое детище.

Снова к изучению Баренцева моря Н. М. возвращался только в советское время, хотя всегда с большим интересом следил за развитием здесь научных исследований.

Не менее плодотворной была деятельность Н. М. Кинзиовича и на других морях. В 1904, а также в 1912—1915 гг. (в последние годы — на специально приспособленном судне «Або») он производит комплексные исследования Каспийского моря, решая ряд рыбохозяйственных проблем, в частности, лов сельдей в открытом море. В результате появляется новый капитальный труд «Гидрологические исследования в Каспийском море в 1914—1915 гг.», который представляет собой первую попытку дать общую картину физической географии водной части из север Земного шара. «Если бы Кинзиович не опубликовал ничего другого, кроме этой классической книги, — писал Л. С. Берг, — то и в таком случае он был бы признан в разряде крупнейших ученых»¹⁹.

Но признание Н. М. Кинзиовича крупным ученым явилось к нему значительно раньше. Еще в 1902 г. Географическое общество за совокупность исследований в северных морях присуждает ему золотую медаль имени Лятке.

К изучению Каспийского моря Кинзиович возвращается неоднократно и в более позднее время.

Он работал также и на Балтийском море; в 1906 г. он руководил экспедицией на судах «Компас» и «Океаной», которая устанавливала основные гидрологические и гидрофизические характеристики этого моря и его заливов — Ботнического и Финского.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед Н. М. Кинзиовичем неограниченные возможности для приложения теоретических способностей. Он, один из немногих крупных ученых того времени, остается в рядах передовой интеллигенции и принимает активное участие в строительстве советского народного хозяйства. С первых же дней революции он работает в советской власти, строго охраняя интересы социалистического строительства нашей страны. В 1918 г. Н. М. Кинзиович командирован в Астрахань в качестве председателя междуправительственной комиссии и принимает деятельное участие в разработке мероприятий по освоению армян в исследовании рыбы. Он — консультант ряда правительственных учреждений — Совнаркома, Госплана, ГВСа и др. По вопросам организации рыбного промысла и исследований в этих целях советских морей он ведет обстоятельную переписку с В. И. Лениным и встречается с ним лично. Одним из первых инициаторов молодого советского государства на Мурмане, как только он был освобожден от иностранных обязательств, было восстановление разрушенных промыслов и создание тралового флота. Теперь Кинзиович получает полную возможность реализовать результаты своих многолетних исследований на Баренцевом море, и его внимание снова обращается на Мурман.

В августе 1920 г. Н. М. Кинзиович получает от В. И. Ленина телеграмму: «Очень жаль, что по случаю болезни не смог побеседовать с Вами, когда Вы были у На-

¹⁹ Л. С. Берг. Почетный академик Н. М. Кинзиович. Вестник Академии наук СССР, № 3, 1950.

звезда Константиновны. Просил бы, если это Вас не затруднит, написать мне в кратких словах... Ваше предложение, если есть таковое, имеет децентрализации в рыбном деле в постановки его на Мурмане»¹⁴. Н. М. Книпович немедленно пишет обстоятельный ответ, в котором сообщает: «Жизно интересуюсь Мурманом и его промыслами, я вошел в Ученый совет Северной экспедиции, выработал, между прочим, план научно-промысловых исследований в океане в 1921 г., направляя их на выяснение основного вопроса всего Мурманского промысла — географическое размещение весной в антарктической воды атлантической рыбы, ее распределение вдоль наших берегов и обратного движения»¹⁵. На этом документе мы находим много заметок, сделанных собственноручно В. И. Лениным в свидетелествующем, а не том значении, с которым относился Владимир Ильич к предложениям Н. М. Книповича. В эти годы Книпович неоднократно встречался с В. И. Лениным, совместно по вопросам организации морских исследований. Вот что говорит Книпович об одной из таких интересных встреч: «Помню и с делами, Владимир Ильич стал распространять меня о положении дела, о людях, работающих в области рыбного дела, веселым смехом встречал сообщения о некоторых курьезах в этой области. Нельзя было не удивляться тому, как хорошо он разбирался в области, ему, конечно, чуждой и мало знакомой. Одна черта бросалась мне в глаза во время нашей беседы: Владимир Ильич узнал ценные свободные слова и добросовестную критику. Я ушел от него под глубоким впечатлением от нашего разговора. Во весь рост обрисовался передо мной этот мощный и так богато одаренный человек, которого я так давно и, должно признаться, так мало знал»¹⁶.

Мне кажется, что по факту участия Н. М. Книповича в организации и организации в 1921 г. плавучего морского научного института (Плавморнауч). Но это моя догадка, будущий биограф надеюсь, осветит этот вопрос.

В 1921 г. Н. М. Книпович, по личному предложению В. И. Ленина, в качестве эксперта от Советского Союза участвует в переговорах с Финляндией в Норвежской по вопросам рыбного промысла; в том же году он работает на Мурманской биологической станции и на основе анализа гидрологических данных на разрезе по Коласкому меридиану впервые устанавливает любопытный факт потепления Арктики и изменения в связи с этим фауны Баренцева моря. Для него это был период кипучей и неустанной полевой и кабинетной деятельности.

В 1925 г. Книпович снова возвращается к Баренцеву морю. Его интересуют точная зона моря, и под его руководством на двух судах («Н. Книповича» и «Персей») выполняется обширная океанографическая съемка с большим комплексом наблюдений (температура, соленость, кислород, концентрации водородных ионов, нитраты, фосфор, кремний, планктон, бентос, донные отложения и т. п.), давшая ценные результаты.

Весьма плодотворно работала в 1932 по 1937 г. Азово-Черноморская научно-промысловая экспедиция, организованная по инициативе Книповича при большой поддержке В. И. Ленина. Кооперируясь с Керченской гидрологической лабораторией, оперируя на сеть наблюдательных пунктов с ними и своим распоряжением исследовательские суда («Бесстрашный», «Данилевский» и др.), эта экспедиция, бессменным руководителем которой был Книпович, успевала выдвигаться научными открытиями и имела исключительно большое практическое значение для организации рыболовства. Научные материалы, добытые этой экспедицией, представляют огромную ценность. Результаты ее положены в большом количестве статей и в ряде крупных монографий, среди которых особо выделяются монографии, написанные Книповичем — «Гидрология Азовского моря» и «Гидрология Черного моря», а также «Определитель рыб Азовского и Черного морей». Каждая из этих работ является крупным вкладом в науку.

Едва успев закончить дело Азово-Черноморской экспедиции, Книпович возвращается к Каспийскому морю. В 1930—1932 гг. он принимает участие во Всекаспийской рыбохозяйственной экспедиции; в 1933 г. он, как крупнейший авторитет по вопросам гидрологии и гидробиологии, входит в состав Каспийской комиссии при Академии наук, и по его инициативе снаряжается новая Каспийская экспедиция, которой он руководит в 1934 и 1935 гг.

В эти годы Н. М. Книпович с неутомимой энергией ведет напряженную работу во многих учреждениях и вводу оставляет глубокие следы своей деятельности. Так, он принимает активное участие в организации и в работе Северной научно-промысловой экспедиции, в результате чего появляются его капитальный труд «Определитель рыб морей Баренцева, Белого и Карского» и несколько оригинальных статей, посвященных исследованию арктических морей. В дальнейшем, в Институте по изучению Севера и в Арктическом институте — Книпович долгое время один из наиболее активных и авторитетных членов Ученого совета. При этом он, один из немногих в то время, — сторонник практического освоения Северного морского пути, что, собственно говоря, естественно вытекало из вседу осуществляемого им принципа единства науки и практики. Советские политики высоко оценили заслуги Н. М. Книповича как популярного исследователя и увековечили его имя на географической карте Арктики: бух-

¹⁴ Ленинский сборник, XXIII, стр. 164, 1933.

¹⁵ Там же, стр. 165.

¹⁶ Н. П. Горбунов. Как работал Владимир Ильич, стр. 24, М., 1933.

та Кишишма (Новая Земля), запад Кишишита (Таймырский полуостров), мыс Кишишита (остров Рудольфа, Земля Франца-Иосифа).

На протяжении многих лет Н. М. Кишишита работает в Государственном гидрологическом институте старшим гидрологом, заместителем директора и руководителем Морского отдела; в Отделе прикладной гидрологии Государственного института опытной агрономии, на базе которого в 1929 г. по его инициативе создается Всесоюзный институт рыбного хозяйства, и он некоторое время стоит во главе этого института, активно содействуя организации морских исследований. В то же время Кишишита — научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и активно участвует в организации проводимых этим институтом исследований; принимает деятельное участие в разработке проектов гражданских гидротехнических сооружений на Волге и на Дону и на заседаниях различных комиссий; признавая огромное значение этих строек, горячо защищает необходимость сохранения рыбного промысла на Каспийском и Азовском морях как одного из основных источников благ нашей страны. С истеричающей полнотой и большой принципиальностью умоляет и гражданство Н. М. разрабатывает конкретные мероприятия, обеспечивающие наилучшие условия (при создании мощных электростанций) развития, а не только сохранения рыбных богатств. Он требовал разума и бережного отношения к морю с его огромными богатствами и неоднократно предупреждал, что всякие нарушения охраны природы моря приведут к печальным последствиям. Как он был прав в этом отношении!

В последние годы деятельности Н. М. Кишишита был тесно связан с Полярным научно-исследовательским институтом рыбного хозяйства и океанографии, возглавив его имя, а после избрания его почетным академиком (1935 г.) руководил работами Архангельского филиала Академии наук СССР.

Таков далеко не полный перечень советских научно-исследовательских учреждений, деятельность которых тесно связана с именем Н. М. Кишишита.

Он был почетным членом многих научных учреждений Советского Союза, а также некоторых зарубежных научных учреждений. С 1901 по 1914 г. он как представитель России состоял членом Международного Совета по исследованию моря и в течение нескольких предшествующих лет был одним из вице-президентов этого Совета. Здесь он пользовался большим и вполне заслуженным авторитетом. Вот что о нем писал секретарь Международного Совета по исследованию моря К. Ф. Дресслер: «Высокие научные познания профессора Кишишита, искреня и интерес, которые он проявлял к делам Совета, его авторитет в вопросах рыболовства и морских исследований — все это имело громадное влияние на работу Совета»¹¹.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что Н. М. Кишишита был одним из пионеров в области рыболовства, которые у нас ныне достигли довольно крупных масштабов.

Большого внимания заслуживает также педагогическая деятельность Н. М. Кишишита, которой он начал заниматься с 1885 г. будучи ассистентом при кафедре физики на Высших женских курсах (1885—1887 гг.), преподавателем женской гимназии Н. М. Стояниной (1886—1887 гг.), приват-доцентом Петербургского университета (1890—1899 гг.), преподавателем реального училища Шторгера (1894—1897 гг.), преподавателем, затем профессором курсов П. Ф. Лостафта, преобразованных позднее в Высшую школу Народного отделения (1904—1906 гг.); преподавателем Фельдшерских курсов З. И. Венгеровой (1906—1910 гг.) и Общеобразовательных курсов А. С. Черныш (1906—1910 гг.); преподавателем, затем ректором Педагогических курсов СПБ. Фребельского общества, в дальнейшем — Институт дошкольного образования (1907—1909 гг.); профессором Петербургского женского (в настоящее время Ленинградского) медицинского института (1911—1930 гг.); преподавателем Спббургских сельскохозяйственных курсов (1907 г.); профессором (биология, зоология, беспозвоночные, медицинская зоология) и деканом Психоневрологического института (1909—1916 гг.); профессором и ректором Одногодичных педагогических курсов, преобразованных в дальнейшем в Педагогическую академию (1918—1920 гг.); профессором Педагогического института имени А. И. Герцена (1919—1920 гг.); преподавателем Учительского института Красной Армии имени т. Толмачева (1919—1920 гг.) и т. д.

Во многих городах и различных аудиториях Н. М. Кишишита многократно выступил с публичными лекциями. Его лекции, доклады и выступления на конференциях, съездах и заседаниях были исключительно содержательны и необыкновенно насыщены фактическим материалом. Он был прекрасным лектором и выдающимся популяризатором науки по вопросам биологии в особенно по изучению морей и их промыслов. Хорошим образцом в этом отношении является его научно-популярная книга «Каспийское море и его промыслы». Он твердо держался хорошего и благородного принципа, что каждый ученый, и чем крупнее он, тем больше, обязан нести свои знания в широкие массы населения. Как популяризатор научных знаний он имеет полное право быть в одном ряду с такими выдающимися популяризаторами в области естествознания, как К. А. Тимирязев, А. Е. Ферсман, С. М. Вавилов, В. А. Обручев и др.

¹¹ С. F. Dressler, Professor N. Knipowitsch and the international exploration of the sea.

Сборник в честь профессора Николая Михайловича Кишишита, 1885—1925. М., 1937.

Н. М. Книпович написал превосходный учебник «Курс общей зоологии для средних учебных заведений и для самообразования», выдержавший три издания; под его редакцией вышли в свет семь томов перевода книг «Жизнь животных» Брэма и Д. Джексона «Условия жизни в море». Но что особенно ценно и практически важно, — он создал замечательную и выходящую своими делами школу истологов, научно-промышленных исследователей и исследователей моря, которые в своей плодотворной деятельности последовательно и уверенно осуществляли и осуществляют, так же как и на учитель — Н. М. Книпович, принцип единства науки (в данном случае комплексное изучение моря) и практики (рациональное использование рыбных богатств). Его учениками были своеобразным универсалитетом, который дал таких выдающихся исследователей как академика В. Л. Исакина, профессора Н. А. Свиридов, В. Л. Исаченко, В. К. Солдатов, Б. С. Малан, Н. Л. Чугунов, П. И. Усачев, В. К. Вепнов, Ю. Ю. Марш, В. Н. Тихонов и многие, многие другие.

Н. М. Книпович никогда не кричал душой, никогда не шел ни на какие сделки со своей совестью и служил прежде всего «делу, а не лицам». В этом отношении он был ассимблем, а в отношении проявления своих чувств и настроений — необыкновенно прямым. Людей, которые честно танцуют в науке, он искренно поддерживал, оказывая им не только моральную, но и материальную помощь. Он высоко ценил ученых, которые честно и самоотверженно трудятся на научном поприще, вера в искренне восхищался их успехам. Однажды мне пришлось встретиться с ним дозой после доклада В. Ю. Визе о результатах работ экспедиции на д/я «Мальвин» в 1928 г. по океану вблизи побережья итальянской экспедиции на д/я «Италия». Содержательный доклад В. Ю. Визе произвел на Книповича большое впечатление. Сидя уже в трамвае и о чем-то думая, он вдруг обратился ко мне и сказал: «Вот это поразительно. Так мало материала, а такие глубокие и интересные выводы. Как ни странно, а она усваивалась от нас, обладающих значительно большим материалом. Вот перед Вами настоящий крупный ученый, сочетающий в себе самые лучшие качества ученого — умение наблюдать, анализировать, обобщать и строить теории. Такой ученый легко может отыскать жемчужины знаний там, где другие пройдут мимо и не обратят внимания». Такие примеры можно было бы привести очень много, а в последних словах приведенной фразы он имел в виду, по-видимому, себя, так как он был необыкновенно скромным и никогда ни перед кем не подчеркивал те подлинные жемчужины знаний, которыми так богата была его творческая деятельность. Насколько в себе представляю, он никогда не испытывал удовлетворения от результатов своих исследований, часто сомневался в ценности их, а поэтому всегда был рад, когда имел о них положительные отзывы других ученых.

Н. М. Книпович безгранично доверял молодым специалистам и смело поручал им сложные и ответственные работы. Но вместе с тем, от них он и требовал очень много. В одном из писем к молодым специалистам (29 марта 1926 г.), в ответ на их приветствие, он писал: «Вы поймете и без лишних слов, как порадовало меня Ваше приветствие по случаю моего юбилея. Горючий отклик со стороны тех, кто идет нам на смену в избранной нами сфере деятельности, дает большое удовлетворение в сознании, что в среде наших молодых товарищей наше слово не было «словом витающего в пустыне». Вы упоминаете о юрте царских тюрем... Было в то время и много более тяжелых, чем эти тюрьмы. Но мы, ведь, дети, так сказать «героического периода» нашего революционного движения. Вам легче, на Вашем пути меньше препятствий, зато на Вас лежит ответственность использовать новые, более благоприятные условия в интересах восстановления и здорового расцвета страны».

А. Ф. Лактионов